

Кн. Евгений Трубецкой

СМЫСЛЪ ВОЙНЫ.

Выпускъ I.

МОСКВА.

1914.

А.Е.

Кн. Евгеній Трубецкой.

СМЫСЛЪ ВОЙНЫ.

Выпускъ I.

МОСКВА.

1914.

МОСКВА—1914 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНОВА.
Арбатская пл., Филипповский пер., д. № 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Смыслъ войны“ я задумалъ собрать всѣ тѣ мои статьи и рѣчи, коихъ значеніе не исчерпывается тѣмъ или другимъ преходящимъ фактомъ, и которыхъ такъ или иначе выражаютъ общий смыслъ переживаемыхъ нами событий. Такъ какъ по самому характеру своему такой сборникъ долженъ быть изданъ во время самой войны, а не послѣ ея окончанія,—его волей-неволей приходится выпускать отдельными брошюрами, по мѣрѣ накопленія материала. Въ настоящемъ первомъ выпускѣ помѣщены статьи, напечатанныя въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за первые три мѣсяца войны.

Авторъ

Москва, 5 ноября 1914 г.

I.

Патріотизмъ противъ націонализма *).

„Германія отъ побѣдъ поглупѣла“,—этимъ изреченіемъ характеризуетъ Ницше умственное состояніе своей родины послѣ Седана и Метца. То, что Ницше называетъ „поглупѣніемъ“, есть на самомъ дѣлѣ доведенное до крайности націоналистическое безуміе. События послѣднихъ дней ясно показываютъ, что это за недугъ и каковы его послѣдствія для одержимой имъ нації.

Было бы напрасно говорить объ „ошибкахъ нѣмецкой дипломатіи“. Ошибки, сдѣянныя Германіей за послѣднее время, всѣ сводятся къ одной, вовсе не дипломатической, а національной. Это—неуклонно послѣдовательное проведеніе въ жизни одного верховнаго принципа: Deutschland, Deutschland *über alles*. Все то, что приходится читать за послѣднее время о нѣмецкихъ звѣрствахъ и объ иныхъ поступкахъ, возстановившихъ противъ нѣмцевъ весь міръ, сводится именно къ этому принципу, который замѣняетъ нравственность національностью и возводитъ свой народъ въ кумиръ, ради котораго все считается дозволеннымъ.

---

*) „Русск. Вѣд.“ 2 августа 1914 г.

Результаты этого принципа налицо. Вступление Англіи и Бельгії въ союзъ съ Франціей и Россіею, искренно-доброжелательное отношение къ намъ шведовъ, движение симпатіи въ нашу пользу среди болгаръ, раньше намъ враждебныхъ, пейтралитетъ Італії, нравственная невозможность для Румынії примкнуть къ тройственному союзу,—вотъ огвѣтъ европейскихъ націй на неистовства нѣмецкаго национализма. „Нѣмецкія звѣрства“ не испугали пока только Турції, которая узнала въ нихъ что-то родное, давно привычное, и это новое сближеніе Германії, не виѣшнее только, а внутреннее, съ Оттоманской имперіей нашло себѣ достойное символическое изображеніе: *нѣмецкое судно, поднявшее турецкий флагъ*,—вотъ, кажется, наиболѣе яркое олицетвореніе современного германскаго государственаго корабля и его нового курса.

Немудрено, что нигдѣ, кромѣ Босфора, этотъ корабль не находитъ себѣ убѣжища. Чье оружіе побѣдить въ ближайшемъ будущемъ, этого мы пока не знаемъ. Но одна крупная нравственная побѣда уже достигнута. Заперты съ моря и съ суши, германо-австрійскій міръ одиное среди враждебныхъ ему народовъ: онъ не привлекаетъ новыхъ союзниковъ, а отталкиваетъ старыхъ. И это вполнѣ понятно: кого, кромѣ нѣмцевъ, можетъ объединить ихъ лозунгъ,—что Германія есть все, а прочія народности—негодный мусоръ, который долженъ быть сметенъ съ лица земли? Кого могутъ привлечь на ихъ сторону ихъ издѣвательства надъ иностранцами, ихъ угрозы разстрѣлять десятаго

въ занятомъ ими городѣ, ихъ экзекуціи военно-пленныхъ и добываніе раненыхъ? Какъ бы ни были чувства по яковъ и финляндцевъ къ намъ,— однихъ этихъ дѣйствій нѣмецкихъ войскъ совершенно достаточно, чтобы исключить возможность того возстанія русскихъ инородцевъ противъ Россіи, которое они стремятся вызвать.

Нѣмецкій национализмъ является вѣроятнѣе нашимъ союзникомъ,—оплодотворомъ того самаго единства и цѣлости Российской имперіи, противъ кото-рого онъ готовитъ свои сокрушительные удары. Всѣмъ русскимъ инородцамъ теперь ясно, какихъ освободителей они имѣютъ въ нѣмцахъ. Неудивительно, что до насъ доносятся вѣсти о броженіи среди австрійскихъ славянъ, о разгрѣлахъ чеш-скихъ солдатъ и обѣ отсылкѣ цѣлыхъ славянскихъ корпусовъ на французскую границу за невозможностью выставить ихъ противъ Россіи. И въ то же время историческое засѣданіе русской Государственной Думы является яркую и трогательную картину сплоченія русскихъ инородцевъ вокругъ Россіи.

Русский патріотизмъ стоитъ противъ нѣмецкаго национализма,— вотъ самое сильное и вмѣстѣ самое отрадное впечатлѣніе послѣднихъ дней. Никогда противоположность этихъ двухъ принциповъ не сказывалась сильнѣе и наглѣднѣе, чѣмъ теперь. Съ одной стороны мы видимъ голый национальный эгоизмъ, который сулитъ жестокій гнетъ всѣмъ не принадлежащимъ къ господствующей національности, а потому всѣхъ отталкиваетъ. Съ дру-

гой стороны, наоборотъ,—могучій подъемъ патріотическаго чувства, который объединяетъ въ одно цѣлое всѣ народы великой имперіи, потому что въ немъ нѣтъ національной исключительности, нѣтъ самообожанія, нѣтъ того презрѣнія и ненависти къ другимъ народамъ, которыя составляютъ характерную черту націонализма.

Никогда единство Россіи не чувствовалось такъ сильно, какъ теперь, и--что всего замѣчательнѣе—насъ объединила цѣль не узко національная, а сверхнародная. Въ этомъ—причина тѣхъ симпатій, которыя мы вызываемъ, въ этомъ и источникъ нашей силы, въ этомъ надежда на нашу побѣду.

Отъ побѣды нѣмцевъ народы Европы могутъ ждать только поглощенія и угнетенія. Напротивъ, побѣда Россіи и ея союзниковъ,—если только намъ суждено одержать ее,—прозвучитъ для всего міра благой вѣстью освобожденія. Свобода и независимость австрійскихъ славянъ, румынъ, подвластныхъ Австріи итальянцевъ, независимость Бельгіи и Голландіи, всѣхъ народовъ Европы испытавшихъ нѣмецкое иго или находящихся подъ его угрозой,—вотъ смыслъ этой побѣды, вотъ та возвышенная цѣль, которую поставила передъ нами исторія.

Нѣмецкій національный интересъ требуетъ проработченія всѣхъ національностей нѣмцамъ. Напротивъ, русский національный и государственный интересъ требуетъ всеобщаго освобожденія народностей, всеобщаго ихъ раскрѣпощенія. Этому не противорѣчить тотъ фактъ, что русская государ-

ственная политика до сихъ поръ нерѣдко уклонялась отъ праваго пути, что въ ней нерѣдко сказывался тотъ самый націонализмъ, который мы теперь столь единодушно осуждаемъ въ нѣмцахъ.

Этотъ націонализмъ, который спорадически появлялся у насъ, не есть порожденіе русскаго народнаго генія, а всего только *плохой переводъ съ нѣмецкаго*, неудачное подражаніе, которое до сей поры могло существовать у насъ лишь благодаря слабому развитію національнаго самосознанія. Теперь, когда самъ русскій народъ выступилъ на сцену, полный сознанія своего единства и достоинства, — этотъ націонализмъ исчезъ какъ дымъ. Ибо народъ проникнуть прежде всего чувствомъ необъятной широты и величія русской родины, въ которой есть мѣсто для объединенія великаго многообразія племенъ. И въ этой *сверхнародности* русскаго патріотизма, въ этой его преданности цѣлямъ не узко національнымъ, а общечеловѣческимъ — надежда другихъ народовъ.

Призваніе Россіи — быть освободительницей народовъ. Оно навязывается ей силой исторической необходимости, ибо оно связано съ кровными нашими національными интересами.

Мы твердо должны помнить, что побѣда можетъ быть достигнута нами не одной только силой русскаго оружія. Она въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, повѣрятъ ли народы въ ваше призваніе. Мы ясно видимъ, почему никто не вѣрить въ нѣмцевъ какъ въ освободителей. Пусть же ихъ примѣръ будетъ для насъ примѣромъ устрашаю-

щимъ. Предоставимъ нѣмецкимъ кораблямъ плавать подъ флагомъ турецкимъ: нашъ національный флагъ долженъ быть иной,—онъ долженъ внушагь довѣріе народамъ. Для этого мы должны прежде всего отрѣшившися отъ варварскаго націонализма, гибельнаго для всякой національности и для всякаго государства.

Пусть населеніе тѣхъ мѣстностей, куда проникнутъ наши войска, чувствуетъ и видитъ, что благо Россіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ благо. Да будетъ человѣчное и доброжелательное отношеніе нашей арміи къ мирному населенію австрійскихъ и германскихъ провинцій полнымъ контрастомъ съ нѣмецкой жестокостью. Не забудемъ, что если война не будетъ вестись на русской территории, она нѣизбѣжно перенесется въ зарубежныя славянскія провинціи. Постараемся, чтобы эти страны не обманулись въ своихъ надеждахъ на Россію-освободительницу и чтобы надежды эти зарождались по пути шествія нашей арміи даже тамъ, гдѣ ихъ доселѣ не было. А внутри Россіи будемъ вести себя такъ, чтобы не одни русскіе, но всѣ инородцы, не исключая поляковъ, финляндцевъ и евреевъ, видѣли и ощущали въ Россіи свою великую общую родину.

Постараемся закрѣпить и удержать тотъ высокій подъемъ духовный, въ которомъ мы находимся теперь. Пусть только русскій патріотизмъ устоитъ противъ нѣмецкаго націонализма, тогда не можетъ быть сомнѣнія въ нашей побѣдѣ. Чтобы

— 11 —

побѣдить, мы должны ясно сознать нашу цѣль, національную и вмѣстѣ сверхнародную. А сознавъ ее, мы должны идти къ ней неуклонно. Тогда и только тогда нашъ натискъ пріобрѣтеть неодолимую силу.

II.

Россія, Польша и славянство *).

*(По поводу воззванія Августійшаго
Главнокомандующаго).*

Каковы бы ни были послѣдствія воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, оно уже само по себѣ — великая побѣда Россіи.

Раздѣлъ Польши — именно тотъ исторический нашъ грѣхъ, который доселѣ служилъ и служить главнымъ препятствіемъ къ осуществленію Россіей ея освободительной миссіи среди славянства. Въ этомъ грѣхѣ — вся сила австро-славизма, главная причина тяготѣнія части славянъ къ Австріи и по тому самому жизненное условіе ея могущества.

Славяне въ Австро-Венгріи составляютъ большинство населенія; утративъ ихъ поддержку, имперія Габсбурговъ просто-на-просто не можетъ существовать: съ того дня, когда она лишится возможности посыпать противъ Россіи не только чеш-

---

^{*}) „Русск. Вѣд.“, 3 августа 1914 года.

скіе, но и польские и вообще славянские полки, она неизбежно обречена на распадение. Австро-Венгрия живетъ только нашими ошибками: только недовѣремъ и враждой части славянъ противъ Россіи держится ея государственное единство.

При этихъ условіяхъ воззваніе Августійшаго Главнокомандующаго для Австріи — болѣе чѣмъ нравственныій ударъ; его появленіе на скѣтъ можетъ оказаться дія цея равнозначительнымъ тяжкому пораженію. Напрасно было бы думать, что Австрія можетъ парализовать его дѣйствіе, давъ своимъ подданнымъ — полякамъ больше, чѣмъ можетъ дать имъ Россія. Самаго главнаго чѣо обѣщаетъ имъ воззваніе, она все-таки дать имъ не можетъ. Уже благодаря своимъ союзнымъ отношеніямъ съ Германіей Австрія не можетъ „стереть границы, разрѣзавшія на части польскій народъ“, и возстановить его цѣлость подъ единымъ скіпетромъ. Это можетъ сдѣлать одна Россія. Вотъ почему воззваніе можетъ имѣть для Австріи послѣдствія болѣе разрушительныя, чѣмъ вторженіе непріятельской арміи въ ея предѣлы. Теперь ей угрожаетъ уже не ударъ, направленный извѣтъ, а параличъ, идущій изнутри: государство, которое въ борьбѣ противъ внешняго врага можетъ опираться лишь на меньшинство своихъ подданныхъ, а въ большинствѣ ихъ имѣть враговъ, тѣмъ самымъ обречено на смерть.

Первый шагъ къ разрѣшенію славянского вопроса, такимъ образомъ, сдѣланъ; есть основаніе надѣяться, что огромное историческое препятствіе

имъ будетъ устранио; но для того, чтобы оно было устранио окончательно, необходима взаимность: нужно, чтобы было побѣждено сложившееся въ-ками недовѣріе Польши къ Россіи; пусть и Россія, и Польша проникнутся сознаніемъ, что воз-званіе свыше уполномоченнаго Главнокомандую-щаго есть обѣщаніе, коего осуществленіе обезпе-чивается всей нашей государственной мощью.

Освобожденіе Польши изъ-подъ нѣмецкаго ига не есть только задача нашей Верховной власти: это въ настоящее время наше важнѣйшее народ-ное русское дѣло, отъ успѣшнаго выполненія кото-раго зависитъ все наше будущее. Не только для Польши, но и для Россіи это—основной жизнен-ный вопросъ, ибо только Россія, объединившая Польшу, можетъ сбрать вокругъ себя славянство. И только Россія, ставшая центромъ всеславянскаго единенія, можетъ стоять на высотѣ подобающаго ей величія и могущества.

Не для однихъ поляковъ,—для всего славян-скаго міра воззваніе Верховнаю Главнокомандую-щаго должно прозвучать благою вѣстью. Освобож-деніе Польши означаетъ конецъ нѣмецкаго вла-дычества надъ славянствомъ вообще. Въ этомъ—основной смыслъ только что опубликованнаго ве-ликодушнаго и мудраго воззванія. Поэтому мы будемъ твердо надѣяться, что за первымъ обра-щеніемъ послѣдуетъ второе, въ которомъ офици-ціальная и вмѣстѣ народная Россія торжественно засвидѣтельствуетъ о своемъ единеніи не съ одними поляками, но со всѣми тѣми народами Австріи, которыхъ она призвана освобождать.

Когда народы Австрои увидятъ, что Россія со-
знала свое освободительное призваніе и проник-
лась твердой рѣшимостью его выполнить, -- судьба
Австро-Венгерской имперіи тѣмъ самымъ будетъ
рѣшена.

III.

Смыслъ войны*).

Изъ всѣхъ событій, совершившихся за эти великие исторические дни, самое крупное, безспорно,— тотъ духовный переломъ, который мы пережили.

Въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ мы увидѣли *единую целостную Россію*. Такого объединенія, какое мы видимъ теперь, я лично не помню вотъ уже тридцать семь лѣтъ,—съ самой турецкой войны 1877 года.

Тогда наше общественное настроеніе было во многомъ похоже на теперешнее. Совершенно такъ же были забыты были распри: всѣ объединились въ одной мысли, въ одномъ порывѣ. Когда думаешь о национальномъ единствѣ, всегда вспоминаются эти великія минуты, когда онъ стало осозаемымъ, видимымъ. И всегда хочется вѣрить, что именно въ этотъ преходящій мигъ раскрылась подлинная наша сущность.

Надолго исчезло это чудесное видѣніе, надолго скрылся отъ насъ этотъ возродившійся теперь образъ единой Россіи. Она словно распалась на части. Мы видѣли передъ собой враждующіе пар-

---

*) „Русскія Вѣдомости“, 8 августа 1914 г.

тіи, классы, племенные группы; но *Rossiu* мы не видали, не знали, гдѣ ея воля, мысль и чувство.

Въ сопоставлениі того, что было, съ тѣмъ, что есть теперь, открывается одна великая тайна нашего національнаго бытія. Вотъ уже второй разъ на моей памяти *Rossia* обрѣтаетъ свое духовное единство и цѣлость въ освободительной войнѣ. Именно тогда она исцѣляется, когда она, забывая о себѣ, служить общечеловѣческому дѣлу культуры: именно тогда, когда она освобождаетъ другихъ,—она стоитъ на вершинѣ собственнаго своего могущества и величія.

Много было причинъ, почему мы потерпѣли неудачу въ послѣдней японской войнѣ; но главная, кажется мнѣ, заключается въ слѣдующемъ: не было этой сверхнародной цѣли, которая могла бы собрать Россію въ одно цѣлое, заставить жить ее однимъ чувствомъ: мы сражались только за себя самихъ, боролись изъ-за чужой территоріи... А *Rossia* никогда не вдохновляется служеніемъ голому національному интересу. Особенность русскаго патріотизма заключается въ томъ, что онъ никогда не воодушевляется идеей родины, какъ такой, служеніемъ русскому, какъ такому. Чтобы отдаваться чувству любви къ родинѣ, намъ нужно знать, чѣму она служить, какое дѣло она дѣлаетъ. И намъ нужно вѣрить въ святость этого дѣла, намъ нужно сознавать его правоту. Намъ нужна цѣль, которая бы поднимала наше народное дѣло надъ національнымъ эгоизмомъ.

До какой степени націонализмъ чуждъ русскому

патріотизму, сказалось въ особенности въ различномъ огношениі русскаго общества къ двумъ вопросамъ, выдвинутымъ на очередь въ послѣднее время, — польскому и русско-галицкому. Казалось бы, именно послѣдній долженъ быть особенно близокъ нашему народному чувству. А между тѣмъ, — и въ этомъ заключается особенно типическая черта русскаго характера, — русско-галицкій вопросъ доселе остается мало понятнымъ русскому обществу и сравнительно мало его захватываетъ. Наоборотъ, воззваніе Августійшаго Главнокомандующаго, поставившее ребромъ вопросъ польскій, вызвало всеобщій энтузіазмъ и необычайный подъемъ русскаго національного чувства. Оно еще не опредѣлилось по огношению къ галичанамъ, а между тѣмъ необходимость возстановить цѣлостъ разорванной на части Польши для него непосредственно очевидна.

Часто объясняютъ эту русскую черту нашимъ „безпочвеннымъ идеализмомъ“, „мечтательностью“, „непрактичностью“ и даже „космополитизмомъ“, — отсутствиемъ здороваго національного чувства... а при этомъ ставятъ въ примѣръ намъ немцевъ...

Теперь, когда этотъ образецъ, съ котораго рабски списывалась наша націоналистическая программа, столь основательно посрамленъ, — намъ негрудно отвѣтить на эти обвиненія. То, что доселе казалось многимъ непрактическимъ идеализмомъ и „мечтательностью“, есть на самомъ дѣлѣ здоровое сознаніе русскаго національного интереса, тѣсно связанныго со справедливымъ и человѣчнымъ отношеніемъ къ другимъ народностямъ.

Къ счастью для Россіи, въ освобожденіи другихъ народностей, въ особенности народностей славянскихъ, заключается условіе не только духовной, но и материальной ея цѣлости. *Единство и цѣлость Россіи и освобожденіе родственныхъ славянскихъ народовъ*, — вотъ два лозунга, во имя которыхъ ведется война. Нужно ли доказывать, что оба они составляютъ одно неразрывное цѣлое! Если родственная намъ славянскія племена не устоятъ противъ напора воинствующаго германизма, то не устоитъ передъ нимъ и Россія. Напротивъ, если Россіи суждено оставаться цѣлой и недѣлимой, то германскому игу надъ славянами вообще долженъ быть положенъ конецъ. Должна быть возстановлена единая, свободная въ своемъ самоуправлениіи Польша, должна вырасти великая Сербія, должна создаться независимая Чехія: и должны вырасти за счетъ Австріи всѣ тѣ национальные государства, которые примкнутъ къ великой освободительной войнѣ. Недаромъ война началась потому, что въ покушеніи на цѣлость Сербіи мы всѣ, — народъ и правительство, — почувствовали покушеніе на цѣлость Россіи.

Такой же кровный нашъ интересъ связываетъ теперь цѣлость Россіи съ цѣлостью Польши, и въ этомъ именно — самая надежная гарантія осуществленія польской национальной мечты. Россія, возстановляющая Польшу, и Польша, какъ оплотъ Россіи противъ германизма, — вотъ та связь взаимности, которая теперь объединяетъ два народа. Нѣть той силы, которая могла бы порвать эту связь, созданную исторической необходимостью.

А при этихъ условіяхъ совершенно безпотезно и несвоевременно задаваться теперь вопросомъ, что собственно обѣщаетъ полякамъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, и какой строй оно сулитъ обновленной Польшѣ. Какъ бы ни были прекрасны тѣ или другія воззванія, все-таки не они опредѣляютъ смыслъ и направленіе событій, а скорѣе сами опредѣляются ихъ смысломъ.

А смыслъ того, что совершаются теперь,—тотъ, что Россія одновременно и освобождаетъ славянъ, и сама находитъ оплогъ въ славянствѣ; а потому было бы безуміемъ предполагать, что она можетъ дать имъ меныше, чѣмъ даютъ имъ нѣмцы и австрійцы. Россія требуетъ отъ поляковъ, какъ и отъ другихъ славянъ, чтобы они уважали права другихъ народностей, коихъ связала съ ними исторія. Но не для того она призываетъ ихъ къ единенію съ собой, чтобы лишить ихъ тѣхъ правъ самоуправлениія, коими они пользуются подъ австрійскимъ владычествомъ. Поляки и русскіе должны понять, что это невозможно.

Если мы до сихъ порь этого не понимали, если мы, увлекаясь ложнымъ націонализмомъ, не сознавали нашего подлиннаго національного интереса, — это обусловливается тѣмъ, что доселѣ мы находились подъ германскимъ игомъ. Только теперь мы его сбросили, но до послѣдняго времени оно тяготѣло если не надъ нашей территоріей, то надъ нашей душой, надъ нашей волей и чувствомъ.

Добрососѣдскія отношенія между Россіей съ одной стороны, Австріей и Германіей съ другой

стороны существовали и поддерживались за счетъ славянства и въ особенности за счетъ Польши. Именно содѣйствіе въ раздѣлѣ Польши поддерживало согласіе: совмѣстная борьба противъ родственного намъ славянского народа, вотъ что служило источникомъ близости между нами. И близость эта служила интересамъ Германіи и Австріи, а не Россіи. Россію она ослабляла, потому что мѣшала ей выступить въ роли объединительницы славянского міра.

Теперь, когда роль эта навязана Россіи силою вешней, роковымъ сцѣпленіемъ историческихъ событий, мы видимъ новое наглядное доказательство того единства интересовъ, которое связываетъ въ одно цѣлое славянскіе народы, раньше между собою враждовавшіе. Съ одной стороны, Россія никогда не забудетъ, что поляки, считавшіеся врагами русской государственности, пали въ Калишѣ и Ченстоховѣ первыми жертвами за русскую государственность. А съ другой стороны — вѣмецкія звѣрства наглядно показали полякамъ, что въ лицѣ нѣмцевъ мы имѣемъ непримириимаго, заклятаго врага, одинаково глубоко презирающаго всѣхъ славянъ. Уваженія къ своему национальному достоинству и признанія национальныхъ правъ они могутъ ожидать только отъ Россіи.

Сверхнародный, сверхпартийный смыслъ настоящей войны, — вотъ что составляетъ силу Россіи, славянъ и ихъ союзниковъ. Не будемъ же ослаблять себя какими либо узко-партийными выступленіями и племенными распрями. Будемъ помнить, что въ

служеніи этому смыслу—наше главное превосходство надъ нашимъ врагомъ. Чтобы побѣдить, нужно прежде всего сохранить этотъ смыслъ, который объединяетъ народы вокругъ нашего знамени.

IV.

Побѣда *).

Побѣда, наибольшая изо всѣхъ доселѣ бывшихъ въ мірѣ, одержана славной русской арміей. Теперь среди всеобщаго радостнаго ликованія болѣе чѣмъ когда-либо умѣстно вспомнить, во имя чего ведется борьба и что именно дало намъ силу побѣдить.

Мировая задача, выпавшая на долю Россіи, лучше всего выясняется по контрасту.

Въ началѣ августа вступленіе нѣмцевъ въ Брюссель явило миру поучительное зрѣлище: то былъ апоѳеозъ нѣмецкой національности, исключительной, самодовольной,upoенной собою и нагло попирающей права другихъ народовъ. У нея — одно возможное отношеніе къ иноплеменникамъ,— „горе побѣжденнымъ“. Весь міръ—для нѣмцевъ: остальные должны служить рабами и орудіями. Отсюда—разительное сходство современного нѣмецкаго триумфа съ триумфами древне-языческими, вплоть до военно-плѣнныхъ въ кандалахъ, слѣдующихъ за триумфальнымъ шествіемъ.

Не ясно ли, что именно эта черта воинствующаго германизма дѣлаетъ настоящую войну *борьбой всѣхъ*

„Русск. Вѣд.“, 4 сентября 1914 года. Писано послѣ побѣды подъ Люблинскимъ.

противъ одного. Волею судебъ Россія призвана вести борьбу за освобождѣніе всѣхъ народовъ отъ германскаго засилья; таково то знамя съ надписью „Симъ побѣдиши“, которое вложено въ наши руки, и мы не должны ни на минуту забывать объ этомъ, если мы хотимъ довести нашу побѣду до конца.

Даже *матеріальные* результаты нашихъ усилий были бы въ настоящее время совсѣмъ иные, если бы мы сражались подъ другимъ знаменемъ. Не забудемъ, что *именно оно* дало намъ такихъ союзниковъ, какъ Авглія и Бельгія, и обеспечило намъ дружесгенный нейтралитетъ Италіи. Если бы не этотъ священныи стягъ, шествующій передъ нашей ратью, Франція въ настоящее время была бы, быть-можеть, уже разгромлена; намъ или не дали бы разгромить австрійскую армію, или во всякомъ случаѣ не дали бы использовать плоды нашей побѣды. Тѣ возвышенныя начала, во имя которыхъ ведется война, — вотъ чѣмъ обусловливается крушеніе плана германскаго генерального штаба. Хорошо задуманный, онъ не учитывалъ только одно-го, — сопротивленія національностей, негодящихъ противъ насильника и одушевленныхъ сверхнароднымъ идеаломъ всеобщаго освобожденія.

Не одна сила оружія, — *та духовная сила*, кото-рая одушевляетъ и нась, и нашихъ союзниковъ, должна дать намъ побѣду въ этой борьбѣ. Достаточно сравнить нашу армію теперь съ тѣмъ, что она была въ японскую войну, чтобы понять, какую силу даетъ то знамя, за которое народъ сражается. Будемъ надѣяться, что это водушевленіе не изсяк-

неть; но для этого нужно, чтобы мы ни на минуту не забывали тот сверхнародный идеалъ, которому мы служимъ.

Узкий национализмъ,—это чуждое русскому духу и непередаваемое русскимъ словомъ жизненное направление,—вотъ что отталкиваетъ всѣхъ отъ Германіи. И если, напротивъ, народы смотрять съ надеждой на Россію, если внутри нашего отечества „въ могуичемъ порывѣ слились всѣ безъ различія племена и народности“, то это инстинктивное влеченіе къ намъ народовъ обусловливается вѣрой въ нашу освободительную миссію,—вѣрою въ ту народную Россію, для которой национализмъ предстаетъ чуждымъ и непонятнымъ. И по своимъ национальнымъ интересамъ, и въ силу особенностей своего народного характера Россія можетъ объединить вокругъ своего стяга самые разнообразныя племена и народности, тогда какъ для Германіи это совершенно невозможно. Въ этомъ и состоить наше превосходство надъ противникомъ и залогъ нашей окончательной победы. Чтобы довести до конца и въ особенности чтобы упрочить ее, мы должны сознать нашъ сверхнародный идеалъ во всѣхъ его послѣдствіяхъ и рѣшиться исполнить всѣ обязанности, которыя онъ на насъ налагаетъ.

Углубимся въ контрастъ, намѣченный выше.

Дымящіяся развалины завоеванныхъ городовъ, разрушенные храмы и музеи, сожженныя библіотеки, поверженная въ прахъ чужая культура, а надъ ея обломками—огромная бочка пива и фельдфебель, который изъ нея упивается,—таково слице-

твореніе современаго германскаго націонализма. Это и есть то самое, что превращаетъ Германію во всемірное пугало и объединяетъ всѣхъ вокругъ Россіи противъ нее.

Но для того, чтобы объединеніе было прочнымъ, нужно, чтобы контрастъ былъ полнымъ. Мы должны окончательно побѣдить въ себѣ того *внутренняго нѣмца*, который все еще таится въ глубинѣ нашей души и, если мы не примемъ заблаговременно мѣры, въ одинъ прекрасный моментъ можетъ выступить наружу.

Пусть остановятъ насъ предостерегающіе при-
мѣры. Минувшая балканская война,—такъ же какъ
и нынѣшняя европейская,—велась славянскими на-
родами во имя высокой культурной и сверхпарод-
ной цѣли. Совершенно такъ же она была борьбой
всѣхъ противъ одного,—противъ *Турции*, которая
въ современной Европѣ составляетъ во всѣхъ от-
ношеніяхъ *alter ego* Германіи. Совершенно такъ
же, какъ теперь у насъ, велико и сято было во-
одушевленіе союзниковъ. Въ освобождаемыхъ ими
земляхъ ихъ встрѣчали словами „Христосъ Во-
скресе“. И точно, ихъ побѣдоносное шествіе, каза-
лось, возвѣщало воскресеніе народовъ, томившихся
подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ.

Почему же въ концѣ войны внезапно рухнула
эта балканская утопія и союзники наругались
надъ тѣмъ самымъ идеаломъ, во имя котораго они
боролись? Потому, что послѣ побѣды надъ Турцией
въ каждомъ изъ нихъ проснулся *внутренний тур-
окъ*: освободители оказались угнетателями, и послѣ

звѣрствъ турецкихъ мы услыхали о звѣрствахъ греческихъ, болгарскихъ и т. п., которые оказались нисколько не лучше. Неудивительно, что въ резулѣтатѣ вновь возродился подлинный турокъ и отобралъ назадъ у Болгаріи стоявшїй ей столько крови и услий Адрианополь. Такова историческая Немезида. Побѣда турокъ надъ славянскимъ народомъ стала возможна лишь потому что въ самомъ южномъ славянствѣ восторжествовалъ турецкій идеалъ. Ова была бы немыслима, если бы славяне до конца остались на почвѣ того сверхнароднаго идеала, во имя котораго велась балканская война.

Эта историческая Немезида должна страшить насъ больше всякой внѣшней опасности. Участь побѣдоносной, а затѣмъ побѣженной и униженной Болгаріи грозитъ всякому народу, въ кото-ромъ подъ вліяніемъ національного самоупоенія проснется внутренний турокъ или внутренний нѣмецъ. Роковое свойство націонализма именно въ томъ и заключается, что онъ можетъ всякий на-родъ превратить въ звѣря и сдѣлать пугаломъ для другихъ. Вспомнимъ, что и вѣмцы не всегда были тѣмъ, чѣмъ они стали теперь. Когда-то они были народомъ Шиллера и Гёте, Канта и Гегеля, а позже школьный учитель привелъ Германію къ побѣдѣ. И только измѣнившій этому сверхнарод-ному культурному идеалу прусскій федфебель по-ставилъ Германію на край гибели. *Націонализмъ сдѣлалъ ее врагомъ человѣчества!*

Чтобы и насъ не постигла та же участь, борьба съ узкимъ націонализмомъ не только въ другихъ,

но и въ насть самихъ должна стать яшимъ национальнымъ дѣломъ. *Единеніе всѣхъ племенъ и народностей въ однолѣтъ могучемъ и святымъ порывѣ,* — вотъ чего не должна забывать Россія.

„Внутренній нѣмецъ“ доселѣ сказывался въ нашей государственной жизни въ несправедливомъ отношеніи къ другимъ народностямъ; теперь въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго сдѣланъ первый шагъ къ освобожденію Россіи отъ этого историческаго грѣха. Но не одни поляки доселѣ были у насъ обездоленной народностью, и не они одни въ настоящую великую историческую минуту слились съ Россіей „въ могучемъ общемъ порывѣ“. Вспомнимъ, что рядомъ съ ними жертвами за русскую государственность и за русскую народную идею падаютъ теперь и евреи, также воодушевившіеся общей святой борьбой за всеобщее освобожденіе народовъ.

Недавно *) въ газетахъ былъ опубликованъ списокъ русскихъ добровольцевъ въ Бельгіи: собственно *русскія фамиліи* встречаются среди нихъ чрезвычайно рѣдко: въ большинствѣ это — *фамиліи еврейскія!* Вотъ яркій фактъ, который какъ нельзя болѣе рельефно подчеркиваетъ лежащій на насъ национальный долгъ. *И въ Россіи, и на чужбинѣ евреи сражаются и умираютъ за свою русскую родину.* Конечно, Россія этого никогда не забудеть и забыть не можетъ. Но если евреи могутъ умирать за Россію, то почему же они не могутъ жить *повсемѣстно* въ Россіи, почему они не могутъ быть

---

*) Въ началѣ августа.

офицерами въ русскомъ войскѣ? Почему столькіе изъ нихъ не могутъ учиться въ Россіи?

Россія должна дѣломъ показать, что для всѣхъ племенъ и народностей, входящихъ въ ея составъ, она является родиной, а не мачехой. И это нужно не только для русскихъ инородцевъ, но прежде всего для самой Россіи,—для ея спасенія, благосостоянія и величія. Не для того, чтобы подкупить другія народности и племена, должны мы оставаться вѣрными нашему сверхнародному идеалу, а ради насъ самихъ, ради нашего національного достоинства, ради самого смысла нашего существованія! Если бы торжество Россіи свелось только къ смѣнѣ гегемоніи, къ смѣнѣ прусского фельдфебеля русскимъ, то противъ нѣмецкой гегемоніи не стоило бы бороться. Не все ли равно, кому принадлежить міровое первенство, если всѣ народы—въ концѣ концовъ внутренніе нѣмцы или,—что то же,—внутренніе турки? Не все ли равно, кому сидѣть надъ развалинами всемірной культуры и надъ бочкой пива! Пусть это униженіе образа Божія въ человѣкѣ и въ націи навсегда останется для насъ устрашающимъ примѣромъ.

Будемъ помнить, что націонализмъ есть гибель для всякой націи. И постараемся вырвать его изъ нашей народной души съ корнемъ и безъ остатка. Тогда дождется Россія своего свѣтлаго праздника.

V.

Русское народное дѣло *).

Начинается новая эра русско-польскихъ отношений; и благородный починъ А. И. Коновалова, пожертвовавшаго 10,000 рублей на нужды пострадавшихъ отъ войны въ Царствѣ Польскомъ, служить яркой ея иллюстраціей.

До сихъ поръ народъ польскій имѣлъ дѣло только съ Россіей официальной; теперь события войны впервые поставили его въ непосредственное соприкосновеніе съ Россіей народной. Въ наши внутреннія губерніи потянулись тысячи польскихъ бѣженцевъ: однихъ жителей города Калиша въ Москвѣ—не менѣе тысячи, не говоря уже о переселенцахъ изъ другихъ польскихъ губерній. Въ Москву, конечно, стекается наибольшее количество этихъ несчастныхъ. Къ Москвѣ, какъ центру народной Россіи, поляковъ влечетъ какое-то особое, инстинктивное довѣріе. На мой вопросъ, почему изъ всѣхъ городовъ русскихъ она выбрала именно Москву, одна бѣдная полька,—жена запаснаго,—мнѣ овѣчала: „Меня сюда присталъ воинскій начальникъ, онъ мнѣ сказалъ: Ступай въ Москву,—

тамъ не пропадешь“. И точно, въ Москвѣ польскіе бѣженцы не пропадаютъ; здѣсь они находятъ браїскій пріемъ, кровь и пищу: на помощь имъ приходятъ какъ московское городское управление, тамъ и многочисленные благотворители, польские и русскіе.

Нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на поляковъ такое къ нимъ отношеніе русскаго народа и общества? Одинъ видный калишскій городской дѣятель со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ: „До сихъ поръ Польшу отѣляла отъ Россіи офиціальная стѣна, выстроенная яѣмцами; теперь впервые эга стѣна рухнула; два народа увидали и почувствовали другъ-друга“.

Вотъ какое *огромное* дѣло сближенія двухъ народовъ начинается на нашихъ глазахъ! Но пока только *начинается*: вѣдь то, что сдѣлано Россіей для Польши, есть капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что еще должно быть сдѣлано! Недостаточно помогать переселенцамъ изъ Польши въ наши внутреннія губерніи. Наша помощь должна перенестись на *мыста*, въ губерніи, разоренные австрійскими и германскими полчищами. Именно тамъ открывается та яркая картина нужды, отъ которой волосъ становится дыбомъ.

Представимъ себѣ, что одинъ Калишъ понесъ не менѣе сорока миллиновъ убытковъ. Тамъ, по словамъ польскихъ городскихъ дѣятелей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдоватъ, нѣтъ уже ни одной аптеки, ни одной лавки,—а ихъ было раньше двѣ-три тысячи. Есть многочисленные города

и села, гдѣ все сплошь разграблено вѣмецкой реквизиціей. Забраны, лошади, коровы, припасы, даже тюфяки, взамѣнъ чего выданы настѣни выя расписки: „Забрано сколько-то товара, уплаты будеть произведена русскимъ правительствомъ“. Деревня сплошь раззорена, и вслѣдствіе разгрома рабочаго инвентаря пахать нечѣмъ: поля остаются невоздѣланными.

Вопреки вѣ Польшѣ мы имѣемъ русскую Бельгію. Но Бельгіи помогаютъ Англія и Франція; а помочь Польшѣ, кромѣ насъ, некому. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго предвѣщаетъ въ случаѣ русской побѣды политическое возрожденіе Польши, свободной въ своей вѣрѣ, языке и самоуправлениі; но раньше политического возрожденія приходится думать о спасеніи пѣсчастной страны отъ голодной смерти. Это преодолѣе всего должно быть нашимъ народно-русскимъ дѣломъ. Пусть измученный, изстрадавшийся народъ польскій почувствуетъ, что русскій народъ ему — въ самомъ дѣлѣ братъ; пусть онъ увидитъ, что у насъ за словами стоять дѣла: быть-можетъ, этимъ и въ самомъ дѣлѣ будетъ поколеблено его вѣковое къ намъ недовѣріе, которое, — увы, — имѣло основаніе въ прошломъ русско-польскихъ отношеній.

Не обѣ обыкновенной благотворительной помощи идетъ рѣчь въ настоящую минуту. Нужна такая помощь, которая выражала бы собою начало цѣлаго историческаго сдвига въ жизни обоихъ народовъ. Нужно, чтобы оба народа наши въ этой помощи не одно устраненіе материальной нужды,

но и духовное утѣшеніе въ великомъ историческомъ испытаніи и источникъ нравственной бодрости.

Они должны почувствовать, что не напрасны ихъ страданія и жертвы; что, каковы бы ни были дальнѣйшія рѣшенія, главное дѣло, дѣло народное, теперь во всякомъ случаѣ уже дѣлается, и каковы бы ни были результаты настоящей войны, одинъ огромный результатъ уже въ самомъ дѣлѣ достигнутъ. *Польское дѣло уже теперь стало русскимъ народнымъ дѣломъ.* А это значитъ, что отнынѣ во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ народовъ нѣть больше мѣста расхожденію между словомъ и дѣломъ. Вся мощь русского народа и его идеалъ, выразившійся въ словахъ Верховнаго Главнокомандующаго, да будетъ полякамъ порукой въ томъ, что поляки увидятъ осуществленіе мечты отцовъ о національномъ возрожденіи Польши.

Будемъ же мы русскіе, готовить это возрожденіе и содѣйствовать ему способами, намъ доступными. Теперь или никогда помочь пострадавшимъ жителямъ Царства Польскаго должна разростись во всенародную русскую манифестацію. *Пусть всѣ русскія газеты откроютъ у себя подписку въ пользу всѣхъ пострадавшихъ отъ войны жителей Царства Польскаго безъ различія вѣроисповѣданія и племени.* А затѣмъ, когда суммы будутъ собираться, долженъ быть организованъ и всероссійскій комитетъ, который бы завѣдывалъ ихъ направленіемъ и распределеніемъ.

Не будемъ опасаться скромности начала. Тотъ

мощный подъемъ любви, который овладѣлъ теперь русскимъ обществомъ, творитъ чудеса, когда это нужно для русского народнаго дѣла; будемъ надѣяться, что чудеса будутъ совершены и теперь. Мне самому пришлось наблюдать въ нашей провинціи такое потрясающее зрѣлище. Маленькой губернскій городъ Калуга, готовившійся въ августѣ принять небольшое число раненыхъ, *внезапно, безъ предупрежденій, получилъ ихъ во много разъ больше!* Сначала клали на полу безъ соломы, безъ бѣлья и кормить было нечѣмъ. Потомъ въ два дня всѣ были не только размѣщены, но и накормлены и какъ слѣдуетъ уложены. *Неизвестныя лица доставили солому, потомъ отъ неизвестныхъ поступили тюфяки, бѣлье, подушки; неизвестные крестьяне таскали пищу изъ деревень.* Все дѣгалось *само собою*, безъ сговора, безъ организаціи, *стихийнымъ движениемъ народнымъ.*

Вотъ это-то стихійное движение, залѣчивающее раны, нужно въ настоящую минуту, и нужно въ огромныхъ размѣрахъ. Не обѣ отдѣльныхъ раненыхъ и даже не отъ тысячахъ раненыхъ идетъ рѣчь теперь, а о цѣломъ раненомъ народѣ польскомъ. Пусть безъ сговора, безъ организаціи, поднимется великая русская волна ему на помощь. И пусть въ этомъ порывѣ явится Польша Россія-заступница, *Россія-освободительница народа.*

И пусть это движение сочувствія къ братскому народу будетъ намъ порукой въ томъ, что наша грядущая побѣда надъ Германіей приведетъ къ торжеству свѣтлаго начала и въ самой Россіи.

VI.

Возрождение Польши и русский вопрос *).

Я буду говорить о вопросѣ польскомъ, лишь посколько онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и народнымъ русскимъ вопросомъ. Только въ этой связи онъ мнѣ понятенъ и только въ ней онъ мнѣ близокъ.

Чтобы прямо подойти къ этой задачѣ, позвольте обратиться непосредственно къ зламенному воззванію Верховнаго Главнокомандующаго, столь ясно выразившему нашу народную надежду. Чѣмъ объясняется та единодушная радость, съ какою оно было встрѣчено? Почему это воззваніе, предвозвѣщавшее осуществленіе польского народнаго идеала, было принято у насъ какъ благая вѣсть о великой духовной победѣ Россіи? Почему не только для Польши,—для самой Россіи оно прозвучало какъ призывъ къ освобожденію отъ тяжкаго чужеземнаго ига?

Потому, что этотъ новый, неслыханный доселѣ языкъ, которымъ заговорилъ вождь русской арміи,

---

*) „Руск. Вѣд.“ 28 окт. 1914 г. Рѣчь, сказавшая 26 октября на засѣданіи Общества славянской культуры.

преисполненъ и для нась, русскихъ, положительнаго значенія, Впервые, со дня раздѣла Польши русская государственность заговорила о Царствѣ Польскомъ всѣмъ намъ близкимъ языкомъ народнымъ. Когда это слово станетъ дѣломъ,—тѣмъ самымъ осуществится полный разрывъ съ полуторавѣковой традиціей,—съ той самой традиціей, которая доселѣ служила наиболѣе могущественнымъ препятствіемъ къ осуществленію русского народнаго идеала. Для самой русской государственности это будетъ освобожденіемъ отъ нѣмецкаго вліянія; уже теперь это освобожденіе ставится предъ нами, какъ цѣль, къ которой мы должны стремиться.

Пока мы еще далеки отъ ея достиженія, но уже самая постановка задачи является великимъ торжествомъ русского народнаго самосознанія, новымъ свидѣтельствомъ объ его могуществѣ. Мы и въ самомъ дѣлѣ въ правѣ торжествовать побѣду.

Не удивительно, что именно *теперь* мы ее одержали. День разрыва съ Германіей, оказался для Россіи днемъ величайшаго національнаго самоопределѣленія: она почувствовала себя съ небывалой раньше ясностью и силой.

Начало войны явило въ сосредоточенномъ выраженіи всѣ отталкивающія свойства прусской государственности, всѣ тѣ ея качества, которыя дѣлаютъ ее врагомъ всеобщей культуры. Попытка растерзать Сербію, растоптать Бельгію, раздавить Францію, попрать самый очагъ всемірной свободы,—Англію,—вотъ тѣ стремленія и дѣла современной Германіи, которая заставили насъ почувство-

вать наше собственное народное призвание. Отрицаніе духовной личности другихъ народовъ—такова та общая сущность, которая оказывается во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Въ своемъ крайнемъ самоутвержденіи, народный гений современной Германіи совершенно не чувствуетъ живой души другихъ народовъ: всякой чужой народности онъ угрожаетъ поглощеніемъ и уничтоженіемъ, и всякую чужую культуру онъ презираетъ, считая культуру германскую единственной въ мірѣ. Тотъ нѣмецкій профессоръ-филологъ, который изрекъ, что гибель лувенской библіотеки не есть погеря, потому что германскій гений сумѣетъ замѣнить погибшія сокровища новыми и лучшими произведеніями,—является классическимъ выразителемъ этого настроенія. Другой образецъ—знаменитый планъ германского генерального штаба: съ математической точностью онъ разсчиталъ ту силу сопротивленія, которое можетъ оказать мертвый механизмъ вооруженныхъ силъ противника, но совершенно не принялъ во вниманіе *его живую душу*—ту великую духовную силу, которая есть въ оскорблennомъ чувствѣ народномъ. Всего ярче сказалось это непониманіе чужой души именно въ Польшѣ: съ одной стороны, въ своихъ воззваніяхъ къ полякамъ нѣмцы соблазняли ихъ материальными выгодами, имѣющими наступить вслѣдствіе присоединенія ихъ къ Германіи; съ другой стороны, они не поняли, какіе горячіе уголья они скопляли себѣ на голову, превращая польские костелы въ конюшни.

По контрасту русское народное самосознаніе по-

няло свою собственную задачу. Живая душа другиx народовъ, попранныхъ Германіей, — вотъ что стало у насъ центромъ общественнаго вниманія. Всѣ почувствовали, что мы не можемъ допустить гибели маленькихъ народовъ, какъ потому, что ихъ существованіе — огромная культурная цѣнность, такъ и потому, что ихъ исчезновеніе таитъ въ себѣ угрозу нашей собственной цѣлости. Отсюда — тотъ освободительный подъемъ, который въ одномъ общемъ порывѣ обединилъ всѣ племена и всѣ слои населения Россіи. Всѣ поняли, что въ освобожденіи другихъ народовъ изъ-подъ нѣмецкаго ига заключается и высшая задача Россіи, и за югъ ея побѣды: ибо побѣдить должна въ концѣ концовъ та самая духовная сила возставшихъ народовъ, которая не была принята во вниманіе и была попрана нашими противниками. И общее настроеніе выразилось въ словахъ Верховнаго Главнокомандующаго.

„Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступить часъ воскресенія польского народа, братскаго примиренія его съ великой Россіей“.

Смыслъ этихъ словъ въ томъ, что воскресеніе Польши есть непремѣнное условіе собственнаго нашего русскаго национальнаго возрожденія. Единственно чрезъ осуществленіе этой задачи Россія можетъ освободиться отъ прусской опеки, — отъ того духовнаго ига Германіи, которое ее доселѣ порабощало: именно здѣсь намъ предстоитъ поло-

жить ту грань, которая должна отдать навѣки народно-русское отъ истинно-prusского.

Соучастіе Россіи въ раздѣлѣ Польши было прежде всего измѣной нашимъ національнымъ интересамъ: оно сдѣлало Россію невольнымъ орудіемъ нѣмецкой политики. Прежде всего оно ослабило Россію. Одно изъ условій ея могущества заключается именно въ тяготѣніи къ ней славянскихъ народовъ, которые видятъ въ неї естественную защитницу противъ завоевательныхъ стремленій германізма. Раздѣлъ Польши сдѣлалъ надолго невозможнымъ объединеніе всего славянства вокругъ Россіи: онъ положилъ прочное основаніе тому расколу среди славянства, который составляетъ условіе существованія Австро Венгрии. Только этимъ расколомъ она жива, только благодаря участію Россіи въ раздѣлѣ Польши Австрія можетъ раздѣлять славянъ и власговать надъ ними. Еще опаснѣе австрославизма то онѣмеченіе Познани, которое было создано этимъ злосчастнымъ раздѣломъ.

Но еще хуже, чѣмъ отреченіе отъ національного интереса, была та измѣна духовному облику Россіи, которая выразилась въ этомъ актѣ. Самымъ фактомъ раздѣла Польши была вырыта пропасть между русской народностью и русской государственностью: послѣдняя подпала надолго прусскому вліянію. Отсюда — глубокое и мучительное противорѣчіе въ нашей жизни. Нѣгъ ничего болѣе противаго русскому народному характеру, нежели прусское отношеніе къ другимъ народностямъ и

prusскіе способы управлениі ими. Намъ по существу чужды *обрустительныя* тенденціи по отношению къ инородцамъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онѣ составляютъ у насъ плодъ нѣмецкаго вліянія. Намъ претить это деспотическое навязываніе другимъ народамъ нашей собственной національной физіономіи; напротивъ типическая особенность русскаго характера есть именно восприимчивость къ чужому, тонкое и сочувственное пониманіе всего индивидуального и своеобычнаго, что есть въ культурѣ другихъ странъ. Именно эти качества опредѣляютъ собой бытъ нашего простого народа, известного своимъ благодушнымъ и терпимымъ отношениемъ къ иноплеменникамъ. Ихъ же мы находимъ и въ высшемъ проявленіи нашей культуры, — въ русской литературѣ, которая пре-восходитъ литературу всѣхъ странъ своимъ широкимъ универсализмомъ, своей всемирной отзывчивостью, своимъ пониманіемъ всего человѣческаго, въ какую бы яркую національную оболочку оно ни обѣжалось. Нѣть ничего болѣе противнаго этимъ свойствамъ нашего народнаго генія, чѣмъ тотъ мертвый унитаризмъ и централизмъ прусской государственности, который не считается ни съ чѣмъ своеобычнымъ, всѣхъ подводить подъ одинъ ранжиръ и всѣхъ онѣмечиваетъ. Если тѣмъ не менѣе этотъ прусскій способъ управлениія наложилъ свою печать и на нашу государственность, это объясняется прежде всего нашимъ соучастіемъ съ Пруссией въ раздѣлѣ Польши. Именно необходимость сообща поддерживать этотъ фактъ открывала

дверь прочному германскому вліянію на нашу внутреннюю политику. Наша вѣковая дружба съ Пруссіей всегда поддерживалась за счетъ Польши, но потому самому и за счетъ Россіи. Теперь мы видимъ новое тому доказательство. Первымъ логически необходимымъ послѣствиемъ нашего разрыва съ Германіей явилась та новая политическая программа, которая выразилась въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго. Только черезъ осуществление этой программы русская государственность можетъ стать народной, русской. Возрожденіе Польши, свободной въ своей вѣрѣ, въ языке и въ самоуправлениі, будетъ въ полномъ смыслѣ слова торжествомъ русского народного духа. Народнымъ и русскимъ является не то направлениe, которое превращаетъ Россію въ Пруссію второго сорта, не то, которое отталкиваетъ отъ нея славянъ, угрожая имъ обрусеніемъ, а то которое привлекаетъ ихъ къ намъ и дѣлаетъ Россію центромъ славянства. Нашъ подлинный народный интересъ и идеалъ выражается не въ поглощеніи, а въ воскрешеніи другихъ народовъ,—въ защитѣ всѣхъ малыхъ и слабыхъ народностей противъ народовъ насильниковъ и хищниковъ. Успѣшное осуществление этой миссіи является необходимымъ условиемъ какъ могущества Россіи, такъ и самобытнаго ея культурнаго развитія. Только тогда нашъ народный геній расправить свои крылья, только тогда онъ приобрѣтѣ силу для высшаго своего полета, когда онъ исполнитъ элементарный долгъ совѣсти передъ братскимъ народомъ.

Намъ нужно прежде всего сбросить съ себя этотъ тяжелый камень, который тяготѣтъ надъ нашей душой и парализуетъ наши духовныя силы. Возрожденіе Польши будетъ днемъ свѣтлаго воскресенія и для самой Россіи. Мы всѣ это чувствуемъ, и ради этого хотимъ побѣдить. Пусть эта вѣра въ свѣтлый смыслъ побѣды сообщитъ несокрушимую силу нашей арміи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Cmp.</i>
Предисловіе	1
I. Патріотизмъ противъ націонализма	5
II. Россія, Польша и славянство	13
III. Смыслъ войны	17
IV. Побѣда	25
V. Русское народное дѣло	33
VI. Возрожденіе Польши и русскій вопросъ . . .	39
